

ЕСИКОВА Милана Михайловна

**КРЕСТЬЯНСКОЕ ХОЗЯЙСТВО
ТАМБОВСКОЙ ГУБЕРНИИ
В ПЕРВОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ
(1918 – 1928 гг.)**

Специальность 07.00.02 – Отечественная история

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Пенза 2003

Работа выполнена в Тамбовском государственном техническом университете.

Научный руководитель: доктор исторических наук, профессор
А.А. Слезин

Официальные оппоненты: доктор исторических наук, профессор
В.В. Кондрашин
доктор исторических наук, профессор
С.А. Яковлев

Ведущая организация: Воронежский государственный педагогический университет.

Защита состоится 4 сентября 2003 года в 14 часов на заседании диссертационного Совета К.212.185.01 по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата исторических наук при Пензенском государственном педагогическом университете им. В. Г. Белинского по адресу: 440026, Пенза, ул. Лермонтова, 37.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Пензенского государственного педагогического университета.

Автореферат разослан «____» августа 2003 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат исторических наук,
доцент

В. И. Первушкин

Подписано в печать 11.07.2003
Формат 60 × 84 / 16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Гарнитура Times New Roman. Объем: 1,4 усл. печ. л.; 1,5 уч.-изд. л.
Тираж 100 экз. С. 511

Издательско-полиграфический центр
Тамбовского государственного технического университета,
392000, Тамбов, Советская, 106, к. 14

I. Общая характеристика работы

Актуальность темы исследования. Воссоздание достоверной истории крестьянского хозяйства – актуальная научная задача, самым тесным образом переплетённая с политикой и практикой. Обстоятельства сложились так, что проблемы крестьянского хозяйства давно перестали быть уделом учёных. Ими активно занимаются публицисты и политики. Именно поэтому взамен разрушенных старых мифов создаются новые, а порой возникают большие исторические легенды, затмевающие действительность. Современным политикам необходимо быть предельно ответственными – в словах, в поступках, в «обращениях к народу».

Судьба главного производителя материальных благ – вопрос не только теоретический, но и практический. Периодически возникающий перед государством аграрный кризис требует систематического и всестороннего научного анализа, а его преодоление – использование исторического опыта.

Современное российское общество находится в поиске эффективных моделей хозяйственного механизма, оптимальных форм макрорегулирования, что актуализирует и инициирует изучение исторического опыта особенно периода первой трети XX в. – поворотного для России, когда перед страной остро стояли проблемы аграрной и индустриальной модернизации. Стабильность и устойчивость народнохозяйственного целого зависит от устойчивости сельского хозяйства. С особенной силой это подтвердили 1920-е гг. – время абсолютного преобладания мелкокрестьянского производства. Поэтому анализ эволюции крестьянского хозяйства в доколхозный период остаётся актуальным в наши дни, так как помогает лучше понять особенности и закономерности аграрной политики и более чётко определить её приоритетные направления в современных условиях. Изучение крестьянского хозяйства – основной ячейки крестьянского общества в тот период – позволяет проследить глубинные социально-экономические процессы, протекавшие как в самом крестьянстве, так и в крестьянском дворе, что, в конечном счёте, позволит объективно оценить современную аграрную политику.

Объектом исследования является крестьянское хозяйство Тамбовской губернии.

Предметом исследования стали внутренние и внешние факторы, определявшие эволюцию крестьянского хозяйства.

Хронологические рамки исследования. Нижней хронологической границей определена весна 1918 г. – время установления советской власти в Тамбовской губернии. Верхний предел – лето 1928 г. – ликвидация Тамбовской губернии как административно-территориальной единицы и включение её в состав Центрально-Черноземной области.

Территориальные рамки работы ограничены Тамбовской губернией, которая являлась типичной густонаселённой территорией Центральной России, где преобладали аграрный уклад и крестьянское население, как и в целом в стране, что даёт возможность проследить общие закономерности развития крестьянского хозяйства и специфику их проявления в регионе. В течение 20-х гг. Тамбовская губерния претерпела ряд изменений в связи с проведением административно-территориальных реформ, вследствие чего от неё отошли шесть уездов. Все статистические данные приведены в сопоставимых границах.

Историография проблемы. Состояние крестьянского хозяйства, его отдельные элементы, перспективы развития интенсивно изучались современниками: экономистами, социологами, агрономами. В ряду этих работ выделялись исследования организационного направления, чьё внимание привлекало семейное трудовое хозяйство как основа аграрного строя России. В работах Н.П. Макарова, Н.П. Огановского, А.В. Чайнова, А.Н. Челинцева¹, наряду с другими широко использовался материал по тамбовской деревне. А.Н. Челинцев, исследовавший широкий круг вопросов от расселения крестьян до закономерностей ценообразования на мясо, одну из своих книг полностью построил на изучении крестьянского хозяйства Тамбовской губернии². Он установил связь между плотностью населения, строем и размещением крестьянских хозяйств. Большой интерес представляет не утратившее и сегодня своего научного значения исследование Н.Д. Кондратьева³, посвящённое крестьянскому зерновому производ-

¹ Макаров Н.П. Крестьянское хозяйство и его эволюция. М., 1920; Огановский Н.П. Очерки по истории земельных отношений в России. М., 1921; Чайнов А.В. Организация крестьянского хозяйства. М., 1925; он же. Крестьянское хозяйство. Избранные труды. М., 1989; Челинцев А.Н. Теоретические основания организации крестьянского хозяйства. Харьков, 1919; он же. К теории организации сельского хозяйства массы крестьянских хозяйств // Пути сельского хозяйства. 1928. № 8 и др.

² .. . , 1919.

³ Кондратьев Н.Д. Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. М., 1991.

ству в период войны и революции и влиянию на него государственного регулирования. Широкий круг проблем аграрного развития в послереволюционное время затрагивался в работах Л.Н. Литошенко. Однако главным объектом его исследований было крестьянское хозяйство, причём под весьма специфическим и особенно актуальным углом зрения: рыночности, «приобретательства». Постановке задач и путей изучения товарности крестьянского хозяйства, деревенского рынка были посвящены многие публикации Литошенко⁴. Основу для решения этих важных и сложных задач давала статистика крестьянских бюджетов. Наиболее полным и многосторонним статистико-экономическим исследованием состояния сельского хозяйства страны в годы гражданской войны и военного коммунизма является книга Л.Н. Литошенко, написанная в 1922 г. и вышедшая в свет лишь в 2001 г.⁵

В 1920-е гг. вышло немало работ, освещавших социально-экономическое положение деревни, классовое расслоение крестьянства, обобщались результаты многочисленных обследований села⁶. Характерная черта аграрной литературы 20-х гг. – её практическая направленность. Для неё вся совокупность проблем, связанных с деревней, с аграрными преобразованиями, по существу сводилась к одной теме: социально-экономические сдвиги, происшедшие в деревне в результате аграрных преобразований. Этот вопрос имел практическое и политическое значение. Авторы этих работ, как правило, являлись участниками проводившихся обследований, в их трудах обобщён богатый фактический материал, сделаны интересные наблюдения и выводы, предпринимались попытки анализа первых преобразований советской власти в области сельского хозяйства. Большую работу на основе обработки переписей провела известный статистик А.И. Хрящева. Несмотря на критику методики и отдельных выводов Хрящевой, её труды и поныне являются наиболее авторитетными. Результаты проводившихся работ нередко использовались в острых дискуссиях в политическом руководстве страны. В конце 1920-х – начале 30-х гг. большинство этих публикаций были раскритикованы как немарксистские, содержавшие серьёзные методологические ошибки. Последнюю точку в этом вопросе поставил И.В. Сталин своим выступлением на Всесоюзной конференции аграрников-марксистов в декабре 1929 г.⁷ Его выводы в течение многих лет были непререкаемыми в историографии крестьянства и крестьянского хозяйства.

В последующие годы крестьянское хозяйство специально не изучалось, внимание историков было сосредоточено в основном на вопросах колхозного строительства. Исключение составляет монография М.Я. Залесского⁸. В книге прослеживается процесс разработки налоговой политики на протяжении всего переходного периода. Автор определил место сельскохозяйственного налога в системе социально-экономических мероприятий государства в деревне, раскрыл классовый характер налога, показал, как с его помощью не только сдерживалось развитие зажиточных элементов в деревне, но и постепенно подрывалась их экономическая мощь.

Известный вклад в разработку проблемы внесли работы, появившиеся на рубеже 1940-х и 50-х гг. В монографиях И.А. Конюкова, М.А. Краева, Э.Б. Генкиной⁹ изучается начальный этап колхозного строительства, выясняется вопрос о месте, роли и сущности простейших и высших кооперативных форм, раскрывается роль торговли в жизни крестьянского хозяйства.

В конце 50-х гг. в историографии наметился поворот к глубокому изучению социально-экономических проблем российской истории, особенно первой трети XX в. Идеологические рамки по-прежнему сковывали историков. Тем не менее, в условиях «хрущёвской оттепели», группа молодых исследователей, бывших фронтовиков, из Института истории АН СССР предприняла попытку вместо декларативных положений Краткого курса истории ВКП(б) о высоком уровне развития российского капитализма, в буквальном смысле подготовившем материальные предпосылки социализма в России, восстановить реальную картину происходивших в экономике процессов, включая и послереволюционные годы. Они образовали «новое направление» в советской исторической науке. Среди них были такие выдающиеся советские историки, как А.М. Анфимов, П.В. Волобуев, М.Я. Гефтер, В.П. Данилов, К.Н. Тарновский и др. На основе глубокого изучения архивных источников ими было сформулировано положение о слабости капитализма, господстве в деревне полуфеодальных, крепостнических пережитков, что, хотя и скрыто, противоречило положениям работы В.И. Ленина «Развитие капитализма в России». Они увидели, что именно крестьянский вопрос был определяющим, и революция произошла не из-за готовности страны к социализму, а из-за обострения противоречий, прежде всего связанных с недоста-

⁴ .. // . 1923. . 75 .

⁵ . . , 2001.

⁶ Гайстер А.И. Расслоение советской деревни. М., 1928; Крицман Л.Н. Классовое расслоение в советской деревне. М., 1925; Струмилин С.Г. Динамика батрацкой армии в СССР // На аграрном фронте. 1925. № 7 – 8; Хрящева А.И. Группы и классы в крестьянстве. М., 1924 и др.

⁷ Сталин И.В. Соч. Т. 12. С. 151.

⁸ , 1940.

⁹ .. (1921 – 1925 .). . , 1949; , 1954; .. (1921 – 1922 .). . , 1954.

точным уровнем развития капитализма в деревне, как следствия сохранения помещичьего землевладения, обусловившего крестьянское малоземелье в условиях аграрного перенаселения (эти проблемы, за исключением помещичьего землевладения, сохранялись и в последующие годы). В начале 70-х гг. в ходе неосталинизации «новое направление» было разгромлено.

Деятельность историков «нового направления» свидетельствовала об огромном потенциале российских историков-аграрников. Это стало очевидным, когда на Западе в те же годы появилась наука о крестьянских мирах – крестьяноведение. Она возникла в 60-е гг. в Англии и США как реакция на неожиданное для западных стран крушение колониальной системы. Предметом её исследования стали страны третьего мира, в которых большую часть населения составляли крестьяне¹⁰. Методологическим ключом крестьяноведения стало теоретическое наследие русских учёных А.В. Чаянова, Н.П. Макарова, А.Н. Челинцева и других основоположников теории крестьянского хозяйства и кооперации. В работах таких западных учёных, как Т. Шанин, Р. Сиви, Дж. Скотт, М. Левин и других подверглись анализу важнейшие проблемы истории крестьянских обществ Индии, Китая, России и были сделаны выводы об универсальном характере их развития, общих закономерностях, определяемых характером производственной деятельности семьи¹¹. Выяснилось, что крестьянским мирам в странах, вставших на путь рыночной экономики, уготована одна участь – пасть под натиском промышленной цивилизации. Как видим, крестьяноведение, базирующееся на достижениях российской и западной науки, и творческое наследие историков-«шестидесятников» подготовили методологическую базу для одной из крупных научных концепций исторического развития России в XX в.

В 60-е гг. интерес исследователей к проблемам доколхозной деревни усилился. Плодом многолетнего труда по изучению истории сельского хозяйства и крестьянства дореволюционного и советского периода стала обобщающая работа П.Н. Першина; широкая картина итогов аграрной революции в России, предопределивших социально-экономическое развитие доколхозной деревни, и, в частности, формы, структуру и направления развития крестьянского землепользования, представлена в работе Г.В. Шарапова¹². На основе отбора наиболее достоверных данных о положении крестьянского хозяйства, о сельскохозяйственном производстве была подготовлена известная монография Ю.А. Поляковым, в которой обстоятельно исследованы причины и масштабы разрухи крестьянского хозяйства, конкретную характеристику получили основные направления и результаты социальных сдвигов в деревне, всесторонне проанализировано государственное регулирование крестьянского хозяйства¹³. Система социально-экономических укладов в советской деревне 20-х гг. изучена в работах В.П. Данилова¹⁴. Значительная работа выполнена по исследованию состояния сельского хозяйства, особенно его зерновой отрасли. Монографии Ю.А. Мошкова и В.Н. Яковцевского существенно уточнили бытовавшие в литературе представления о развитии сельскохозяйственного производства¹⁵. Большое значение для изучаемой нами проблемы имело обсуждение проблем нэпа на страницах журнала «Вопросы истории КПСС» в 1966 – 1968 гг. Участники обсуждения обратили внимание на проблемы социально-экономического развития деревни, в частности, использования в процессе социалистического строительства государственного капитализма, торговли, кооперации, их влиянию на крестьянское хозяйство¹⁶.

Активизация исследовательской мысли, вполне естественно, вела к новым выводам, суждениям, обобщениям. Тогда появлялись установки. Зав. отделом науки ЦК КПСС С.П. Трапезников опубликовал тремя изданиями двухтомник «Ленинизм и аграрно-крестьянский вопрос»¹⁷, в котором собран большой материал, в том числе и по интересующему нас периоду. Однако уровень обобщений и выводов в основном не выходил за рамки прежней концепции Краткого курса истории ВКП(б).

Несмотря на кажущееся обилие исследований по крестьянской тематике, созданной в тот период, изучались главным образом проблемы крестьянского движения, классового расслоения, кооперирования. В 70 – 80-е гг. были созданы труды, без которых невозможно представить современное российское крестьяноведение. Это книги, статьи, доклады В.П. Данилова,

¹⁰, 1992.

¹¹ См. материалы методологического семинара В. Данилова и Т. Шанина: Современные концепции аграрного развития // Отечественная история. 1992 – 1999.

¹² Першин П.Н. Аграрная революция в России. Историко-экономическое исследование. В 2-х кн. М., 1966; Шарапов Г.В. Разрешение аграрного вопроса в России после победы Октябрьской революции (1917 – 1920 гг.). М., 1961.

¹³ Поляков Ю.А. Переход к нэпу и советское крестьянство. М., 1967.

¹⁴ .. - // : .., 1963; . - : // . .., 1974 .

¹⁵ Мошков Ю.А. Зерновая проблема в годы сплошной коллективизации сельского хозяйства. М., 1966; Яковцевский В.Н. Аграрные отношения в период строительства социализма. М., 1964.

¹⁶ // . 1968. 12. . 81 – 91.

¹⁷ .. . 1, 2.

В.П. Дмитренко, В.В. Кабанова, Т.В. Осиповой, Ю.А. Полякова, Г.С. Сергеева, Э.М. Шагина и др.¹⁸ При всем различии их подходов, а в ряде случаев и взглядов, исследование различных аспектов крестьянского хозяйства в их трудах заметно продвинулось вперёд, благодаря введению в оборот новых источников, глубокому анализу уже известных, применению новых методов исторического исследования. Прошедшие в начале 70-х гг. научные конференции по проблемам нэпа и опубликованные тогда же коллективные монографии показали, что дальнейшее познание истории советской доколхозной деревни нуждается в специальном изучении крестьянского хозяйства как со стороны его внутренней структуры и функционирования, так и со стороны основных условий его существования и развития¹⁹.

В тот же период интенсивно велось исследование государственного регулирования социально-экономического развития доколхозной деревни, изучалось влияние на социальные процессы кооперирования и кредитования крестьянских хозяйств, снабжения сельского хозяйства средствами производства, земельной и налоговой политики²⁰.

В региональной литературе история крестьянского хозяйства интересующего нас периода специально не изучалась, в общих работах по истории Тамбовской области её касались лишь вскользь. Наиболее значительными являются монография воронежского историка В.И. Логунова по партийному руководству восстановлением народного хозяйства Центрального Черноземья в годы нэпа и статьи тамбовского исследователя Н.А. Окатова²¹, в которых в связи с восстановительными мероприятиями рассматриваются налоговая, кооперативная, кредитная политика, изучалось влияние социально-экономических мероприятий государства на изменения в социально-классовой структуре деревни.

В 1988 г. вышла в свет известная монография В.В. Кабанова²². В центре внимания автора анализ состояния и функционирования крестьянского хозяйства в основных его социально-экономических аспектах: землепользование и землеустройство, производство и производственные отношения, рыночные связи и др. В работе анализируются и сюжеты достаточно разработанные, но в аспекте, обусловленном заявленной темой. В 90-е гг., развивая идеи монографии, В.В. Кабанов высказал ряд новых в своих публикациях.

В целом советская историография отражает с разной степенью изученности отдельные стороны состояния крестьянского хозяйства в изучаемый нами период. Значительность результатов исследовательской работы в 60 – 80-е гг., её возросший теоретический уровень, большой объём фактического материала, введённого в научный оборот, сделали возможными новые выводы и обобщения и обеспечили переход к новому этапу в историографии – постсоветскому.

Современный период стал временем появления концепций, по-новому освещающих аграрные преобразования в России в XX в. Большой интерес представляет концепция В.П. Данилова о крестьянской революции в России в 1902 – 1922 гг. Она основывается на солидной, постоянно пополняющейся источниковой базе, на теоретических разработках современного крестьяноведения, в частности, материалах теоретического семинара «Современные концепции аграрного развития», ежегодного международного симпозиума «Куда идёт Россия?»²³.

По мнению В.П. Данилова, революционные события в России в начале XX в. явились закономерным результатом развития страны и были связаны с процессом её индустриально-рыночной модернизации. Крестьянская революция явилась «глубинной основой социальных, политических и экономических потрясений в России», стала «основой всего происходившего в стране и после Октября 1917 г. – до 1922 г. включительно». В.П. Данилов указывает на самостоятельный характер крестьянского движения, его огромное влияние на исход гражданской войны²⁴.

¹⁸ Данилов В.П. Советская доколхозная деревня: население, землепользование, хозяйство. М., 1977; он же. Советская доколхозная деревня: социальная структура, социальные отношения. М., 1979; Кабанов В.В. Октябрьская революция и крестьянская община // Исторические записки. М., 1984. Т. 111; Осипова Т.В. Классовая борьба в деревне в период подготовки и проведения Октябрьской революции. М., 1974; Поляков Ю.А., Дмитренко В.П., Щербань Н.В. Новая экономическая политика. Разработка и осуществление. М., 1982 и др.

¹⁹ Историческое значение новой экономической политики (в связи с 50-летием перехода к нэпу). Всесоюзная сессия. Материалы обсуждения. Вып. I – II. М., 1971; Исторический опыт КПСС в осуществлении новой экономической политики. М., 1972; Новая экономическая политика. Вопросы теории и истории. М., 1974 и др.

²⁰ .. // .., 1977; .. // .., 1973 .

²¹ Логунов В.И. КПСС – организатор восстановления народного хозяйства Центрального Черноземья (1921 – 1927 гг.). Воронеж, 1970; Окатов Н.А. К вопросу о расслоении крестьянства и политике партии в деревне // Под знаменем Октября. Вып. III. Тамбов, 1975; Историография крестьянства Центрального Черноземья (1917 – 1980 гг.). Под ред. Лосева А.В. Воронеж, 1980 и др.

²² .. « »., 1988.

²³ .. : // ... : . 1999. ., 1999. . 280 – 288; ? /, 1994; ? : , , /, 1999; ? , , /, 2000 .

²⁴ .. (1861 – 1994 .) // : IV, 1995 .

Определённый вклад в разработку аграрной истории России XX в. на региональном уровне внесла тамбовская группа историков. В.Л. Дьячков, С.А. Есиков, В.В. Канищев, Л.Г. Протасов опубликовали крупные статьи с характеристикой одного из самых мощных крестьянских восстаний, также причин, хода и результатов аграрных преобразований в регионе в первой четверти XX в.²⁵ С.А. Есиков утверждает, что осуществившаяся в 1917 – 1921 гг. аграрная революция в Тамбовской губернии оказала глубокое воздействие на судьбу крестьянского хозяйства. В итоге неокрепшие ростки рыночно ориентированных хозяйств были практически уничтожены. Основная масса крестьянских хозяйств замыкалась рамками натурального производства. Крестьянское хозяйство губернии было отброшено на уровень 1880-х гг., произошла его архаизация²⁶. В этом же ключе написаны работы В.В. Кондрашина, В.А. Саблина, Д.А. Сафонова, С.В. Ярова²⁷ и др., характеризующие фазу аграрной революции 1917 – 1922 гг. в других регионах России.

В 1990-е гг. в центре внимания исследователей оказалась проблема путей аграрного реформирования России в послереволюционный период. В.П. Данилов считает, что альтернатива коллективизации имелась в последовательном осуществлении ленинского кооперативного плана («кооперативной коллективизации»). В том, что это не состоялось, главная вина лежит на Сталине. Отбросив ленинский кооперативный план, сталинизм само своё существование должен был оправдывать в глазах общества «необходимостью преодоления экстремальных ситуаций, подавления вражеских действий, решения "огромных задач"»²⁸.

Точку зрения В.П. Данилова поддержали Н.Я. Гуцин, Н.К. Фигуровская и др.²⁹ Н.Я. Гуцин на основе анализа социальных форм сельскохозяйственного производства в условиях нэпа заключил, что господствовавший в историографии вывод о полном исчерпании к концу 1920-х гг. возможностей развития мелкотоварного крестьянского хозяйства несостоятелен, что возникшие негативные тенденции были связаны главным образом с социальными факторами, с политикой жёсткого ограничения предприимчивости состоятельных крестьян и «фаворитизации» бедноты, усилением административных начал, чрезвычайных мер, переросших в раскулачивание и раскрестьянивание, что слом нэпа в конце 1920-х гг. был волюнтаристским актом сталинского руководства, взявшего курс на сверхиндустриализацию и насильственную коллективизацию³⁰.

С данной позицией не согласны В.В. Кабанов, Э.М. Щагин, ряд других исследователей³¹. В.В. Кабанов считает, что к концу 1920-х годов кооперация превратилась в «бюрократический недееспособный монстр», «раздираемый противоречиями и отсутствием товаров» и от созданной народом этой «массовой культурно-экономической организации ничего не осталось»³². Он указывает на принципиальное отличие взглядов В.И. Ленина, Н.И. Бухарина и А.В. Чаянова на кооперацию. Отсюда В.В. Кабанов и другие исследователи заключают, что относительно путей развития сельского хозяйства «не было никаких альтернатив», кроме состоявшейся. Главная причина этого заключалась в нежелании правящей партии коммунистов «поступиться принципами», поскольку развитие нэпа неизбежно привело бы к капитализму³³.

Актуальные вопросы истории крестьянского хозяйства рассматривались в последнее десятилетие целым рядом научных конференций; в первую очередь это сессии Симпозиума по аграрной истории (1989 – 2002 гг.), конференции «Крестьянское хозяйство: история и современность» (Вологда, 1992 г.), «Менталитет и аграрное развитие России» (Москва, 1994 г.), «Крестьяне и власть» (Тамбов, 1995г.),

²⁵ «»: // . 1992. 6 – 7; (« » , 1920 – 1921 .) // . 1993. 4; () // (I – .) . - . . . , 1996; 1902 – 1922 . // . . . 1. . , 2002.

²⁶ Есиков С.А. Крестьянское хозяйство Тамбовской губернии в начале XX в. (1900 – 1921 гг.). Тамбов, 1998.

²⁷ .. : . 1917 – 1920. . , 1997; .. 1918 – 1922 . . , 2001; .. . 1917 – 1921. (.) . , 2002; .. . - 1918 – 1919 . : . . , 1999 .

²⁸ (1861 – 1994 .) . . 11 – 12; . // : .. . , 1999. . 162; . 20- // . . , 2001. . 219 – 228 .

²⁹ .. : // .. . , 1995 . // .. . , 1989; -

³⁰ 217 – 218.

³¹ Кабанов В.В. Пути и бездорожье аграрного развития России в XX веке // Вопросы истории. 1993. № 2; он же. Кооперация, революция, социализм. М., 1996; он же. Крестьянская община и кооперация России XX века. М., 1997; Роголина Н.Л. Реформаторство XX века и крестьянский менталитет // Менталитет и аграрное развитие России (XIX – XX вв.); Щагин Э.М. Альтернативы «революции сверху» в советской деревне конца 20-х годов: суждения и реальность // Власть и общество России. XX век. Сб. науч. трудов. М.-Тамбов, 1999 и др.

³² .. , . . . 197.

³³ См.: Там же. С. 151, 154; Щагин Э.М. Указ. соч. С. 281 – 282.

«Социальная история российской провинции в контексте модернизации аграрного общества» (Тамбов, 2002 г.) и др.

Принципиальной особенностью современного этапа историографии проблемы является её активная разработка новым поколением историков в различных российских регионах, где в настоящее время наблюдается подъём российского крестьяноведения. О.Н. Вещева, например, обратилась к изучению аграрной политики Советского государства в 1917 – 1927 гг. на материалах Самарской и Симбирской губерний. Она отмечает, что отсутствие товарообмена между городом и деревней, социально-классовые приоритеты в отношениях с крестьянством, характерные для политики военного коммунизма, привели к негативным последствиям в сельском хозяйстве, к развернувшейся в 1919 – 1922 гг. «стихийной войне крестьян с новой государственной властью». О.Н. Вещева указывает, что аграрная политика Советского государства в 1920-е гг. была направлена в первую очередь на поддержку коллективных и бедняцких хозяйств, тормозя разорение беднейшего крестьянства и усиление сельскохозяйственных производителей. Она констатирует факт низкой эффективности существования коллективных хозяйств³⁴. Социально-классовой политике ВКП(б) и общественно-политическим процессам в деревне второй половины 1920-х гг. на материалах Нижнего Поволжья уделил внимание С.И. Савельев. Государственную политику в отношении деревни он называет «леворадикальным большевистским аграрным курсом», приведшим к тому, «что процессы раскрестьянивания российской деревни перестали носить характер естественной эволюции». Большевизм трансформировался в «социальный расизм», что нашло наиболее ёмкое и трагическое отражение в аграрной политике³⁵.

Современный этап изучения крестьянского хозяйства характеризуется многоплановым анализом его экономического состояния и места в социальной структуре, отказом от жёстких классовых схем, обращением к исследовательскому наследию отечественных аграрных школ. Это стало возможным благодаря коренному пересмотру оценок аграрного развития в пореформенный период (после 1861 г.) и в послереволюционный (после 1917 г.) период.

В свете новых подходов иное освещение получают такие коренные проблемы, как причины и сущность аграрного перенаселения, содержание и результаты институциональной, в том числе правительственной, политики, характеристика процессов дифференциации и осереднячивания, критерии бедности и зажиточности крестьянского хозяйства³⁶.

В целом можно заключить, что отечественная историография крестьянского хозяйства первого десятилетия советской власти имеет несомненные творческие достижения и, одновременно, нереализованные возможности. Её дальнейшее плодотворное развитие возможно на путях все более полного освоения источниковой базы (особенно на местах), отказа от идеологизированности, а также в рамках различных междисциплинарных подходов.

Цель работы состоит в изучении процессов, происходивших в крестьянском хозяйстве в годы военного коммунизма и новой экономической политики. Выдвинутая цель предполагает решение следующих задач:

- рассмотреть обстановку в тамбовской деревне в изучаемый период;
- выяснить влияние войны и революции на состояние людских и материальных ресурсов деревни;
- проследить изменения в демографической и социальной структурах деревни в годы нэпа;
- раскрыть взаимосвязи правовых форм регулирования социально-экономических процессов и крестьянской экономики;
- показать противоречивый характер мероприятий нэпа в аграрной сфере;
- исследовать уровень сельскохозяйственного производства крестьянского хозяйства, что позволит оценить потенциал и возможные перспективы его дальнейшего развития.

Источниковая база исследования. В распоряжении исследователя доколхозной деревни большой объём опубликованных и архивных источников: законодательные материалы, партийно-правительственные решения, богатейшая социально-экономическая статистика, свидетельства прессы. Полное освоение основных источников по теме позволяет воссоздать истинную конкретно-историческую картину, понять её смысл и значение. Задачей работы является исследование процесса в целом. Поэтому в её основу положено изучение источников, доступ-

³⁴ 1927 , 2000. . 15 – 22. ..

³⁵ .. - () - 20- – 30- . (). , 1994. . 19 – 21.

³⁶ .. - .. // : VI . , 2000; , 2001; .. 20- . . // : VII . , 2001 .

ных систематической обработке и дающих целостную картину социально-экономических процессов в деревне.

Исследование директивных документов коммунистической партии, законодательных и ведомственных актов (прежде всего Наркомзема), как опубликованных, так и архивных, послужило основой для раскрытия советской аграрной политики и государственного регулирования социально-экономических процессов в деревне.

Одним из основных источников данной работы явились опубликованные материалы статистических обследований тамбовской деревни: переписи населения 1926 г., сельскохозяйственных переписей, весенних опросов, выборочных обследований и бюджетов, существенно различающихся как по программе, так и по представительности. Во многих случаях использовались богатые архивные статистические материалы, отложившиеся в фонде губернского статистического бюро Государственного архива Тамбовской области (ГАТО). Статистические источники требуют определённых технических навыков при анализе, но, прежде всего, они нуждаются в понимании. Статистика даёт цифровой материал, существенно различающийся по назначению, представительности, способам получения, содержанию и детальности разработки. Он может быть правильно использован лишь при точном учёте способа и характера наблюдения. Используемые нами разного рода статистические материалы имеют и недостатки: в частности, порой трудно сопоставимые данные, а иногда и полное отсутствие таковых, недостаточная репрезентативность, неполнота учёта. Однако в целом они дают реальную картину развития крестьянского хозяйства, и в этом плане лучших источников не существует.

Для исследователя статистический материал и его группировки предстаёт как объективно данный источник, его переработка допускается в самой ограниченной мере. Поэтому применявшиеся советской статистикой в 20-х гг. принципы группировки крестьянских хозяйств во многом предопределили порядок и особенности анализа социальной структуры деревни той поры. Дело в том, что на протяжении изучаемого времени признаки производственной мощности крестьянского хозяйства не оставались неизменными. Из сказанного вытекает, что источниковедческий анализ используемых данных является обязательной частью не только исследования, но и изложения материала. Точно так же мы поступаем и при анализе материалов земельных, советских органов и других организаций и учреждений, свидетельств прессы, занимающих значительное место в составе настоящей работы.

И опубликованные, и архивные материалы хорошо дополняются различными отчётно-информационными сведениями, отчётами губернских и уездных учреждений, подготовительными данными к разного рода справкам и отчётам, поступавшим в губернский и уездные исполкомы советов, в партийные органы. Эти документы выявлены в фондах ГАТО и Центра документации новейшей истории Тамбовской области (ЦДНИТО). Богатый материал представлен в протоколах и стенограммах заседаний земельных органов, отчётах земельных съездов. Обобщённые погубернские и поуездные материалы, направлявшиеся в центр содержатся в фонде Наркомзема Российского Государственного архива экономики (РГАЭ).

Состояние источниковой базы позволяет, на наш взгляд, выявить и проследить как динамику основных элементов крестьянского хозяйства Тамбовской губернии в изучаемый период, так и их взаимодействие.

Методологической основой исследования является конкретно-исторический подход к освещению поставленной проблемы, раскрытие её в свете документально-достоверных свидетельств прошлого и с позиций современности в контексте смежных общественно-научных дисциплин. Работа строится по принципам историзма, объективности, всесторонности, соблюдения логического и исторического единства. Эти принципы включают в себя объективный отбор фактов, анализ конкретной исторической ситуации, исследование явлений и процессов в их становлении и развитии, в органической связи с порождающими их условиями, на фоне изучения глубинных тенденций, преобладающих в данный период. Научный конкретно-исторический подход предполагает признание неоднородности изучаемых процессов и явлений, а следовательно – и неоднозначности оценок прошлого. При рассмотрении отдельных проблем применяются методы сравнительного описания, анализа и синтеза.

Научная новизна диссертации состоит в том, что она представляет собой практически первое в отечественной историографии исследование, в котором в едином контексте осуществлено комплексное изучение крестьянского хозяйства Тамбовской губернии в период военного коммунизма и нэпа, в первую очередь его производственно-экономической сферы. До недавнего времени основные сюжеты названной проблемы изучались в основном с упором на классовую дифференциацию, уровень готовности крестьянского хозяйства к коллективизации, первые опыты социалистических преобразований и т.д. К новым результатам можно отнести и подробный анализ эффективности крестьянского производства в

указанные годы. Кроме того, новизна работы состоит не только в выявлении новых источников и введении их в научный оборот, но и в новом осмыслении уже известных, опубликованных.

Практическое применение. Основные теоретические положения и практические результаты исследования могут быть использованы в общем курсе лекций по отечественной истории, на семинарских занятиях, спецкурсах и спецсеминарах, при подготовке научных исследований и учебных пособий по указанной проблематике, включая историю Тамбовского края, при составлении сборников документов и материалов.

Апробация работы. Основные положения диссертации излагались автором на Всероссийской научно-теоретической конференции «Россия на рубеже веков: история и современность» (Саратов, апрель 2002 г.), на X-й межрегиональной краеведческой конференции (Саратов, март 2003 г.), на ежегодных научных конференциях (2001, 2002 гг.) в Тамбовском государственном техническом университете, в опубликованных статьях, обсуждались на заседаниях кафедры истории и философии Тамбовского государственного технического университета.

На защиту выносятся следующие положения:

1. В годы войны и революции производительные силы крестьянского хозяйства Тамбовской губернии были разрушены до такой степени, что к началу мирного строительства дополнительный потенциал, особенно энергетический, необходимый для ускоренного восстановительного роста отсутствовал, что и сказалось на эффективности всего крестьянского хозяйства.

2. В 1923 – 1925 гг. в тамбовской деревне наблюдался массовый голод, вполне сравнимый по своим масштабам с голодом 1921/22 г.

3. Очевидным был факт кризиса зернового производства, который проявился в стагнации посевных площадей под зерновыми культурами, в отсутствии в крестьянских хозяйствах производственных возможностей для удовлетворения собственных нужд и потребностей города, в неспособности достижения даже предреволюционного уровня.

4. Крестьянским хозяйствам необходима была помощь государства. Эта помощь оказывалась, но она, благодаря проводившейся классовой политике, шла в основном лишь в маломощной части хозяйств, которые в подавляющем своём большинстве не могли нормально функционировать. Крепкие же, зажиточные хозяйства были задавлены налогами.

II. Структура и основное содержание работы

Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения, списка использованных источников и литературы.

Во **введении** обоснована актуальность темы, проанализирована степень её изученности, определены цели и задачи исследования, хронологические и территориальные рамки, методологические и теоретические основы исследования, источниковая база, научная новизна и практическое значение работы.

В **первой главе** исследуется крестьянское хозяйство в годы гражданской войны и военного коммунизма. Отдельный параграф освещает аграрное движение в 1917 г., в котором подчеркивается, что до мая крестьянские выступления сводились в основном к тому, чтобы затруднить и остановить работу в экономиях. С июня росло число организованных крестьянских выступлений, они носили довольно мирный характер, почти полностью отсутствовал политический фактор. В августе усилились захватные настроения и начались разгромы помещичьих хозяйств. В сентябре по всем уездам прокатилась мощная погромная волна, которая начала спадать в декабре. Здесь же прослеживается связь деятельности земельных комитетов по учёту экономий и погромного движения, ход перераспределения земли с поуездной спецификой.

В целом в результате перераспределения тамбовские крестьяне получили существенную прибавку земли: в 1920 г. по сравнению с 1917 г. площадь крестьянского землепользования увеличилась на 38,5 %. В расчёте на одну душу крестьянского населения прибавка составила лишь 0,38 десятины.

Уравнительное перераспределение земли и ежегодные внутринадельные переделы, не решив проблемы земельного голода и не удовлетворив большинства крестьян, сохраняли и углубляли неустойчивость крестьянского землепользования.

Советская власть дала крестьянам всю землю, которую она могла дать, однако «прирезки» оказались не столь значительны, как ожидали крестьяне. Но кроме земли и остатков помещичьего инвентаря новая власть ничего не дала. Крестьяне не стали собственниками национализированной земли; они ока-

зались лишь её пользователями, обязанными отдавать государству хлеб в силу монополии на него последней, введённой Временным правительством.

Исследовав социально-демографические изменения крестьянского двора, автор пришёл к выводу, что разрушение крупного, в большинстве своём наиболее культурного уровня сельского хозяйства и нивелирование крестьянства привело к резкому увеличению мелкопосевщиков, а значит к преобладанию патриархального крестьянина с отсталым хозяйством, неразвитыми потребностями, который натурализовал своё хозяйство.

В следующем параграфе рассматриваются налоги, продразвёрстка, повинности тамбовских крестьян. Продовольственная политика первых лет советской власти, как бы ее не оценивать, выростала из объективных обстоятельств времени, ее основы и направления определились еще до октября 1917 г. Хлебная монополия с неизбежностью перерастала в продовольственную диктатуру. Крестьянство встретило это мероприятие в штыки. Лозунг «Земля – крестьянам», будучи в основном проведенным в жизнь, привел к укреплению представлений у крестьян о том, что земля принадлежит только крестьянской части общества, к отказу крестьян от всяких обязанностей по отношению ко всему обществу. Этому в немалой степени способствовало состояние сильнейшей ценностной дезориентированности крестьян от наступившего, по их представлениям, безвластия.

Тамбовская губерния считалась хлебной и поэтому испытала на себе все «прелести» продовольственной диктатуры и «крестового похода» за хлебом. В параграфе подробно освещается ход выполнения в губернии налогов, продразверстки, натуральных повинностей, методы проведения этих мероприятий.

В диссертации показано, что обстановка в губернии накалилась до предела. Именно она, а также общепартийная дискуссия, порожденная военным коммунизмом, привела к появлению в Тамбове двух крупных представителей центрального руководства – Н.И. Бухарина и А.В. Луначарского в начале 1921 г.

В итоге – в начале февраля 1921 г. было принято решение политбюро о снятии с губернии разверстки. Однако на практике продразверстка в губернии сохранялась и осенью 1921 г.

Оценивая с социально-психологической точки зрения последствия разверстки и натуральных повинностей, автор отмечает, что, будучи принудительными, они вызывали различные формы протеста крестьян, а в конце концов приводили к социальной апатии и деградации.

Продразверстка и натуральные повинности, сами являясь порождением натурализации, усиливали тенденцию к натурализации хозяйства. Этой проблеме посвящен следующий параграф, в котором рассматривается крестьянское производство. Отмечается, что рост бремени различных натуральных повинностей сказался на производственной деятельности крестьянских хозяйств, вынуждая их сокращать посевы, менять структуру посевных площадей в пользу культур для собственного потребления, что отрицательно сказалось и на крестьянском животноводстве.

Вторая глава посвящена анализу состояния крестьянского хозяйства в годы нэпа. Несмотря на то, что голод и разруха начала 20-х гг. толкнули в деревню многих горожан и возвращение демобилизованных красноармейцев, в губернии вплоть до 1923 г. наблюдалось сокращение численности сельского населения. Ситуация начала меняться с середины 20-х гг. Перепись населения 1926 г. отразила сравнительно молодой состав сельского населения: доля лиц активного брачного и детородного возраста составляла почти половину, а 54,2 % сельского населения губернии приходилось на лиц трудоспособного возраста. Доля женщин в составе населения деревни резко возросла: в 1912 г. число женщин превышало количество мужчин на 0,6 %, в 1924 г. – на 12,5 %. Усилился процесс дробления крестьянской семьи: в 1917 г. насчитывалось 436 тыс. хозяйств, в 1927 г. – 516 тыс. Одновременно сокращался размер крестьянской семьи: с 6,4 души в 1917 г. до 5,3 в 1927 г., упала и землеобеспеченность хозяйств за тот же период: с 4,1 до 3,4 десятины.

Проведенный по определённой методике анализ социальных групп в крестьянстве показал сокращение бедняцкой доли с 54,3 % в 1921 г. до 44 % в 1926 г., рост середняцких хозяйств с 44 до 52 % и некоторое увеличение зажиточных с 1,7 до 4 %.

Специальный параграф посвящён налоговой политике, имевшей целью регулирование воспроизводства и накопления в крестьянском хозяйстве, стимулирование процессов обобществления, подрыв экономической мощи зажиточных хозяйств, при помощи налогов изымалась значительная часть средств, имевшихся в последних. Показан процесс перехода от натурального к единому сельскохозяйственному налогу, к обложению совокупного дохода и определению его в денежной форме. Подробно анализируется ход налоговых кампаний, проведение классового принципа обложения.

В работе рассматривается влияние землеустроительной политики и пропаганды сельскохозяйственных знаний на крестьянское хозяйство, показана роль вновь образовавшихся мелких посёлков в раз-

решении проблемы перенаселения. В результате наметились сдвиги: переход к многопольным севооборотам, внедрение передовых технологий и т.д. В целом же количественные итоги землеустройства и агропропаганды были невелики. Нужны были средства и время, которых не хватало. Классовая линия в землеустройстве способствовала снижению доли зажиточных и росту мелкопосевных хозяйств. Ослабление единоличных хозяйств было выгодно государству политически, но не выгодно экономически.

Исследование аренды и найма земли, рабочей силы и инвентаря показало, что эти отношения, испытав период резкого сокращения в ходе аграрной революции, получили некоторый импульс к развитию во второй половине 20-х гг. По мере снятия юридических ограничений и некоторого расширения промысловой деятельности крестьян имело место увеличение числа хозяйств, сдававших землю в аренду и использовавших наёмный труд. Однако в целом эти сделки носили неустойчивый характер и сохраняли в своей основе потребительский характер.

В параграфе «Производство крестьянских хозяйств» подробно рассматриваются основные показатели крестьянского зернового производства. При всём стремлении крестьян в годы нэпа предреволюционный уровень площади посевов так и не был достигнут. Состав посевных площадей под главными продовольственными культурами также практически не изменился. Урожайность зерновых в 20-е гг. была почти вдвое ниже, чем в довоенные годы. Произошло резкое сокращение посевов кормовых хлебов, что тормозило восстановление поголовья лошадей. Производство зерна на душу сельского населения в 1925/26 г. составляло всего 30,6 пуда, включая затраты на семена и т.д. В среднем же в 20-е гг. душевое потребление хлеба в тамбовской губернии составило 11,4 пуда, что едва дотягивало до половины обоснованной нормы. Очевидным был факт кризиса зернового производства в годы нэпа, выразившийся в отсутствии в крестьянских хозяйствах возможностей для удовлетворения собственных возможностей и в неспособности достижения дореволюционного уровня.

В последнем параграфе главы рассматриваются чрезвычайные меры при проведении хлебозаготовительной кампании 1927/28 г. Показано как параллельно со сбором хлеба из деревни выкачивались средства путём самообложения, взыскания вступительных взносов в потребкооперацию, расширения торговли спиртным и т.д. К лету 1928 г. у подавляющей части крестьянских хозяйств были изъяты так называемые «излишки свободных денег». Следствием «чрезвычайщины» была ликвидация рынка и частной торговли. Реальный плательщик налога был полностью разорён. Чрезвычайные меры нанесли серьёзный удар по крестьянскому хозяйству и знаменовали собой отход от принципов нэпа.

В заключении подведены основные итоги исследования. Годы аграрной революции оказали глубокое воздействие на судьбу крестьянского хозяйства губернии. Уравнительное перераспределение земли не решило проблемы земельного голода. Традиционное вмешательство государства выразилось в чрезмерной регламентации хозяйственной деятельности, слишком обременительной для крестьян. Заметно выросло бремя натуральных повинностей и продразвёрстки. Неокрепшие ростки рыночно-ориентированных хозяйств были уничтожены. Основная масса хозяйств замыкалась рамками натурального производства.

Живительная доза частной инициативы конкуренции, допущенная большевиками перед лицом голодной катастрофы и страха потери власти, оказалась достаточной, чтобы наладить элементарные основы хозяйственного быта. Восстановительный процесс носил частичный и ущербный характер из-за измельчания и низкой доходности крестьянских хозяйств, падения их товарности. Росли аграрное перенаселение, малоземелье и деревенская безработица, усилился натурально-потребительский тип крестьянских хозяйств и резко сократился производящий, рыночный. Таким образом, к концу изучаемого периода в силу действия рассмотренных внутренних и внешних факторов крестьянское хозяйство находилось в состоянии стагнации и застоя. В такой ситуации нельзя было и думать о дальнейшем поступательном развитии страны. Крестьянскому хозяйству нужны были реальная помощь и время.

III. Материалы диссертации опубликованы в следующих работах

1. Есикова М.М. Производство зерновых культур в Тамбовской губернии в период нэпа // Россия на рубеже веков: история и современность: Сборник докладов и тезисов Всероссийской научно-практической конференции. 19 апреля 2002 г. Саратов, 2002. С. 65 – 68.

2. Есикова М.М. Влияние агропропаганды на крестьянское хозяйство (Тамбовская губерния, первая половина 1920-х годов) // Постигая прошлое и настоящее: Сборник научных трудов. Саратов, 2002. С. 8 – 12.

3. Есикова М.М. Налоговая политика советской власти в тамбовской деревне в годы нэпа (1921 – 1928 гг.). Тамбов, 2003. С. 22.

4. Есикова М.М. Землеустройство тамбовской деревни в первой половине 1920-х годов // Актуальные проблемы исторической науки: Сборник научных трудов молодых учёных. Вып. 1. Пенза, 2003. С. 56 – 60.

5. Есикова М.М. Землеустройство и агропропаганда в Тамбовской губернии в годы нэпа // Труды кафедры истории и философии Тамбовского государственного технического университета: Сборник научных статей. СПб., 2003. С. 62 – 72.